

ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ДЕРЕВНЕ В ОЦЕНКАХ УЧЕНЫХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-Х ГГ.

В статье освещены взгляды ученых русского зарубежья на фискальную политику большевиков в деревне, в частности проанализированы их оценки дисбаланса цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами в советской экономике в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: налоги, фискальная политика, «ножницы цен», товары, производство, крестьянство.

После окончания гражданской войны экономическая система Советской России находилась в состоянии глубокого кризиса, вызванного разрухой, высоким уровнем инфляции, сокращением внешнего финансирования, отсутствием квалифицированных специалистов, некомпетентностью правящей советской бюрократии, не сумевшей найти баланс между различными отраслями производства. Уже на второй год нэпа, несмотря на крайне низкое качество, промышленные товары, если рассчитать их цену в пудах пшеницы, стоили в два раза дороже, чем в довоенный период. Этот разрыв, получивший название «ножниц цен», оказался закономерным следствием фискальной политики большевиков, результатом их особого взгляда на статус крестьянства и рабочего класса в советском обществе.

Пролетарское государство объявило непримиримую борьбу «мелкобуржуазной» стихии крестьянского мира, оставив сельских товаропроизводителей в заведомо невыгодные условия игры на рынке. В разгар нэпа цены на промышленные товары составляли 276 % от уровня 1913 г., в то время как цены на сельскохозяйственные товары – только 89 %. Результат подобной политики был легко предсказуем: крестьяне перестали продавать зерно свыше того, что им было нужно для уплаты налогов. Страна оказалась перед реальной угрозой продовольственного кризиса.

Фискальная политика большевиков получила неоднозначные оценки ученых-экономистов русского зарубежья. Единым было мнение о том, что советская промышленность фактически находилась на иждивении государства и поддерживала свое существование за счет эксплуатации более рентабельного аграрного сектора советской экономики. Напри-

---

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@yandex.ru, Россия, г. Москва.

мер, П.Н. Милюков писал о «диктатуре города над деревней», «искусственном подчинении крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской бюрократии»². Главный смысл нэпа русские ученые видели в нарушении «бюджетного равновесия» в пользу промышленности, что создавало регулярные кризисы в аграрном производстве. В 1924 г. кризис сбыта сменился товарным голодом, что свидетельствовало о провале плановости в советской экономике. Экономисты русского зарубежья обвиняли большевиков в том, что советская промышленность не могла развиваться самостоятельно и «сидела как паразит на крестьянском хозяйстве»³.

Органы советской власти ставили перед собой задачу «справедливого налогообложения» трудового крестьянства, что влекло за собой тотальный контроль над производством и распределением аграрной продукции. Русские экономисты в эмиграции, знакомые с зарубежным опытом ведения хозяйства, не могли принять аграрную революцию большевиков, совершившуюся в направлении «черного передела», национализации земли, неограниченного вмешательства государства в систему земельных отношений.

Резкой критике русских экономистов-эмигрантов подверглась идея передачи всей земли в пределах РСФСР в единый государственный фонд. Например, профессор политэкономии Люблянского университета А.Д. Билимович в своих трудах показывал абсурдность утверждений В.И. Ленина и большевиков о том, что национализация всей земли являлась требованием широких масс крестьянства и соответствовала их коренным интересам. Крестьяне не могли требовать национализации земли, находящейся в их частной собственности [2, с. 51]. Еще более критично русские мыслители оценивали конечную цель большевистской экономической программы — уничтожение не только частной собственности на землю, но и частной собственности на средства производства. Ученые отмечали, что требование национализации земли, «исключившее всякое попятное движение к восстановлению собственности», выглядит прямо противоречащим интересам крестьян [6].

Особое негодование экономистов русской эмиграции вызывали военные методы и силовое вмешательство советской власти в жизнь русской деревни. Как остроумно заметил Б.Д. Бруцкус, социалистическое государство уподобилось Руси X в., когда ею правили дружины. «Вооруженные отряды коммунистов двигались по стране и выколачивали из крестьян продукты в натуре. Но варяжские князья, к счастью, Маркса не читали, и они требовали от крестьян столько, чтобы последние могли скоро обрасти. Коммунисты же, последовательно проводя социалистическую доктрину, стояли на том, что все запасы

---

² Последние новости. 1923. 8 нояб.

³ Там же. 1924. 2 окт.

должны сосредотачиваться в руках пролетарского государства, и крестьяне вправе оставлять себе лишь то, что им, безусловно, необходимо для их существования. Поэтому и результаты хозяйничанья коммунистов были гораздо печальнее результатов хозяйничанья варяжских дружин» [4, с. 31].

По мнению известного ученого и политического деятеля П.Н. Милокова, перед большевистской властью было два пути выхода из сложившейся ситуации: 1. «Круто порвать со старыми методами диктаторского господства и со старыми приемами бесконтрольного, монополюльно-партийного управления, вернуться к демократии»; 2. «Пойти на капитуляцию перед иностранным и отечественным капиталом»⁴.

Для того чтобы поставить крестьянские хозяйства на социалистические рельсы, большевики стали рассматривали крестьян как батраков, сидящих на государственной земле и обязанных вести свое хозяйство под диктовку власти, сдавать весь продукт государству. Провозглашение новой экономической политики весной 1921 г. вызвало надежду у ученых русского зарубежья на некоторое смягчение политического режима большевиков. В то же время, они отмечали недостаточность мероприятий новой экономической политики для полного восстановления народного хозяйства. Подавляющее большинство русских экономистов предрекали нэпу недолгую жизнь. Например, Б.Д. Бруцкус считал, что полумеры нэпа не спасут Россию от масштабного сельскохозяйственного кризиса: «нужен решительный и окончательный разрыв с принципами социализма и бесповоротное утверждение гражданского правопорядка» [4, с. 33].

Ученые русской эмиграции много внимания уделяли анализу причин введения новой экономической политики, ее целям и характеру. Как правило, переход к нэпу они связывали с необходимостью пойти на уступки среднему крестьянству, ослабить фискальное давление в деревне. Осмысливая причины введения нэпа, А.Д. Билимович на первое место ставил социальную напряженность в деревне, вызванную политикой «военного коммунизма». Большевики, по его мнению, осознали нежелание крестьянства мириться с жестким политическим курсом власти в деревне, почувствовали угрозу, исходившую от самого многочисленного класса русского общества [1, с. 47].

Резкую критику русских ученых вызвали методы реализации фискальной политики Советской власти, отсутствие четкой программы мер и действий. Теоретики аграрной мысли подчеркивали, что с момента объявления нэпа большевики были вынуждены переходить в своей фискальной политике от одной уступки к другой. Подобная практика вызывалась необходимостью считаться во всем с интересами главной силы русской экономики – крестьянства [11, с. 63].

---

⁴ Рувль. 1922. 3 авг.

Определенные послабления налоговой политики советской власти в деревне в середине 1920-х гг. аналитики русской эмиграции связывали с необходимостью возобновления вывоза хлеба за рубеж. Экспорт сельхозпродукции являлся для советского руководства «боевым фронтом», необходимым для получения средств на нужды модернизации промышленности⁵. Для завоевания былых позиций на заграничном хлебном рынке требовалось выдержать серьезную конкуренцию, что привело к принятию поощрительных мер аграрного производства, а также снижению пошлин на вывоз некоторых видов сельхозпродукции. Однако советская власть не торопилась давать крестьянам чрезмерную экономическую свободу. Экономисты влиятельной эмигрантской газеты «Дни» писали о том, что большевики не заинтересованы в сытой деревне, которая могла бы сама устанавливать цены на хлебном рынке, свободно участвовать во внутренней и внешней торговле⁶. Теоретики эмигрантской газеты «Руль» отмечали, что хронический кризис сбыта был следствием малой покупательной способности крестьян из-за высоких цен: «мужики бояться завести лишнюю корову — в кулаки запишут. Советский режим сознательно держит крестьян в железных тисках голода и разлухи»⁷.

Наиболее точно полярность интересов советской власти и крестьянства в годы нэпа передал Б.Д. Бруцкус: «Экспорт хлеба — неизбежная необходимость, однако крестьянину принесет не очень большую пользу. Он не может существенно повысить цены на хлеб на внутреннем рынке. От вывоза выиграет многочисленный слой «торгующих коммунистов», которые командуют всей экономической жизнью страны. А крестьянину останутся ножки да рожки. Так как цены для заграницы и закупочные цены не соответствуют»⁸.

Экономисты русского зарубежья справедливо рассматривали налоговую политику советской власти, главным образом, с точки зрения политического интереса: «большевики стремились сохранить коммунизм в капиталистическом мире. Им нужна передышка, чтобы продержаться до мирового переворота. Поэтому они идут на уступки мелкобуржуазной крестьянской стихии»⁹. Таким образом, уже в середине 1920-х гг. наиболее дальновидные ученые русского зарубежья приходят к выводу о том, что нэповская система исторически обречена и рыночный вариант советской модернизации в долгосрочной перспективе не сможет стать реальностью.

Наиболее популярными в среде русской эмиграции были идеи кон-

---

⁵ Последние новости. 1923. 10 авг.

⁶ Дни. 1926. 19 янв.

⁷ Руль. 1925. 21 февр.

⁸ Там же. 1923. 26 ноября.

⁹ Последние новости. 1923. 3 июля.

сервативного либерализма П.Б. Струве, суть которых сводилась к сочетанию сильного правительства и защиты частной собственности. Участвуя в научной деятельности Русского юридического факультета в Праге, П.Б. Струве призывал к соблюдению «законных свобод народа в экономической сфере» [10, с. 211]. По мнению ученого, нэп был вызван провалом идеи мировой революции и необходимостью сохранения советской власти в сложившейся ситуации. С подачи П.Б. Струве в эмиграции прочно закрепилась мысль о том, что посредством новой фискальной политики большевики стремились сохранить коммунизм в капиталистическом мире.

В научных работах П.Б. Струве в эмиграции отчетливо прослеживается критика фискальной политики Советской власти. Читая курс лекций на кафедрах в Белграде и Субботице, ученый постоянно подчеркивал противоречия коммунистической теории и политического курса большевиков, ярким выражением которых стал нэп. Хотя у П.Б. Струве нет крупных законченных трудов по аграрным вопросам (исключением были лишь два тома его «Хозяйства и цены»), он ограничивался всегда лишь фрагментами и набросками, многие эти наброски, журнальные статьи, брошюры и рецензии складываются во вполне цельное и взвешенное мировоззрение. Выявляя причины изменения курса фискальной политики Советской России, Струве обратил внимание на социальную силу русского крестьянства, показавшего способность развернуть страну к нэпу.

Выступая на съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже в мае 1921 г., П.Б. Струве четко определил причины реформ в экономике Советской России. Отказ от рыночных основ в годы «военного коммунизма» привел к ужасающим последствиям для России. Было подорвано сельскохозяйственное производство, произошла деморализация труда, наступил голод. П.Б. Струве доказывал всю экономическую бессмысленность и историческую нелепость русского коммунистического опыта. По его мнению, «производственное обилие» может быть создано лишь в рыночной среде, с опорой на частную крестьянскую инициативу¹⁰. Струве указывал на тот факт, что первое время большевистская власть существовала за счет «проедания старых запасов», за счет достижений капитализма. Однако, несмотря на это, города превращались в скопление «чистых потребителей», усилился разрыв между городом и деревней. Эти кризисные явления поразили аграрную экономику России, что привело к изменению курса фискальной политики в период нэпа.

В 1925 г. П.Б. Струве тесно связывал введение нэпа с истощением старых запасов: «В первый период существования, до нэпа, советская власть жила исключительно из запасов, доставшихся в наследство от

---

¹⁰ Русская мысль. 1921. 12 мая.

прежней России. Итоги этого периода проматывания награбленного наследства стали видны к 1921 г. Паразитическая власть не могла существовать одними старыми запасами более пяти лет. Когда запасы были исчерпаны, пришлось прибегнуть к нэпу»¹¹. Струве связывал изменения экономического курса с неумением большевиков наладить стабильное развитие экономики. В целом, обсуждая причины перехода к новой экономической политике, теоретики аграрной мысли русского зарубежья пришли к схожим выводам, считая, что нэп стал следствием тяжелого экономического положения страны.

Наиболее объективная картина фискальной политики в советской деревне представлена в докладе Б.Д. Бруцкуса, прочитанном на съезде русских деятелей по сельскому хозяйству в апреле 1924 г. Ученый отмечает, что в результате постигшей Россию катастрофы сельское хозяйство потеряло свои производительные силы. Значительно сократилось производство всех сельскохозяйственных культур. К 1922 г. посевная площадь сократилась от уровня 1913 г. на 64 %. поголовье скота упало по сравнению с 1916 г. на 63 %.

Помимо критики советской фискальной политики, Б.Д. Бруцкус предлагал конкретные меры для восстановления сельского хозяйства Советской России. По его мнению, аграрный сектор нуждался в увеличении посевных площадей и ликвидации Наркомата внешней торговли. Как отмечал ученый, «экспорт сельскохозяйственных продуктов единственное и необходимое, с чем может выступить на внутренний рынок Россия в настоящее время. Но при существующей организации хозяйства и наличии Внешторга русское сельское хозяйство ничего выиграть не может». Либеральная позиция Б.Д. Бруцкуса ярко проявилась в абсолютизации внешнего рынка. Экспорт для России, по мнению ученого, в будущем будет иметь колоссальное значение. Только тесное единение с заграничным рынком позволит Советской России восстановить сельское хозяйство [3, с. 18].

Теоретики русской экономической мысли в эмиграции жестко критиковали экономический изоляционизм большевиков. По их мнению, советский экспорт почти ничего не дает крестьянскому производителю, а значит, не обеспечивает подъема сельского хозяйства. В числе главных требований ученых-эмигрантов – установление тесного контакта с заграничным рынком, ликвидация Наркомата внешней торговли, восстановление кооперации и частного торгового аппарата.

Крайне негативно они оценивали попытки советской власти искусственно создать коллективные формы сельского хозяйства. Желание превратить крестьянина в батрака, сидящего на казенной земле и работающего по команде «посевкома» не могло осуществиться: изменение системы землеустройства вызвало здоровую реакцию в крес-

---

¹¹ Возрождение. 1925. 10 июня.

тянстве против эксцессов аграрной революции. Советская власть вынуждена была принять новый Земельный кодекс 1922 г., который уже не являлся специфически коммунистическим, хотя эмблема «национализации» и осталась, но важен факт закрепления земли за крестьянами. Уповая на смягчение «налогового пресса», русские ученые отмечали, что новое аграрное законодательство создаст достаточные предпосылки для развития сельского хозяйства. Высоко оценивая переход к нэпу, экономисты русской эмиграции высказывали опасения относительно стремлений Советского государства окончательно лишить крестьян свободы землепользования. Уже в середине 1920-х гг. многие из них предсказывают события начала 1930-х гг., указав на возможную насильственную коллективизацию [8, с. 82].

По мнению П.Н. Милюкова, «смыслом НЭПа являлось создание диктатуры города над деревней, искусственного подчинения крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской буржуазии с участием связанного с государственно-буржуазным хозяйством пролетариата. <...> В результате крупная промышленность и транспорт, находясь на иждивении казны, нарушали своими убытками всякие надежды на установление бюджетного равновесия»¹².

«Ножницы цен» рассматривались русскими учеными как главная причина постоянно повторяющихся экономических кризисов в Советской России: «Промышленные товары оказываются недоступными для населения и остаются непроданными, и, в конечном счете, государство имеет убыток»¹³. Издания русской эмиграции критически оценивали попытки большевистской власти разрешить возникшие трудности путем административного снижения цен, которое, в свою очередь, приводило к кризису бестоварья, «товарному голоду» и политическому недовольству населения.

В аналитической статье «Законы советской экономики» отмечалось: «Когда правительство при виде негативной «конъюнктуры» понижает промышленные цены и дает повышаться сельскохозяйственным, мизерные, по сравнению с потребностями, изделия промышленности оказываются быстро проданными, наступает «бестоварье», и уменьшаются средства на хлебозаготовительном рынке, а с другой стороны увеличивается дороговизна жизни в городах, то есть при уменьшении доходов промышленности увеличиваются ее расходы»¹⁴. Любую обсуждаемую проблему советской экономики ученые русской эмиграции сводили к необходимости возрождения свободного рынка и свободы частной предпринимательской деятельности.

Эмигрантская печать жестко комментировала выступление Л.Б. Троцкого на XII съезде партии (апрель 1923 г.), в котором было

---

¹² Последние новости. 1923. 8 нояб.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 1924. 2 окт.

наглядно показано нарастание «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Резкие колебания цен вызывали негодование либеральных ученых, поскольку советская экономическая действительность полностью противоречила интересам производителей сельхозпродукции. С.Н. Прокопович подчеркивал, что в октябре 1923 г. «ножницы» раскрылись до предела, разница между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию была уже в три раза больше, чем в 1913 г. [9].

Не только в либеральной среде русской эмиграции, но и в самой Советской России в середине 1920-х гг. стали появляться предложения об ослаблении государственного давления на крестьянство. В целях снижения «товарного голода» предлагался путь товарной интервенции, то есть завоза в страну дешевых и качественных товаров из-за границы. Неожиданно русские ученые выступили против идеи «товарной интервенции», которая, по их мнению, могла ослабить национальное производство. В этом вопросе либерал П.Н. Милюков поддержал крупного деятеля большевистской партии Ю. Ларина. В начале 1924 г. Ларин опубликовал в «Правде» статью, в которой выступил против импорта зарубежных товаров. Поддерживая эту, казалось бы, нелиберальную идею, П.Н. Милюков писал: «В окарикатуренной форме здесь, несомненно, поставлен серьезный вопрос о правильном соотношении национальной обрабатывающей промышленности с промышленностью добывающей. <...> Возражение Ларина против разрушения русской промышленности нужно признать, конечно, основательными: альтернатива здесь одна — Россия «колония»»¹⁵.

В своих размышлениях о курсе фискальной политики в Советской России П.Н. Милюков все больше приходил к анти-крестьянским выводам. Интересы русского крестьянства ученый противопоставлял успехам большевистской модернизации страны. Разрабатывая проблему демократической альтернативы, Милюков писал: «Если сейчас осуществить демократию, значит дать России то правительство, которая она действительно требует. Такое правительство не будет ни меньшевистским, ни социал-революционным, ни кадетским, ни царистским. Настоящая крестьянская программа потребовала бы частной собственности на землю без вознаграждения, неограниченной эксплуатации города деревенским кулаком, выступала бы против централизма и подъема культурного уровня»¹⁶. Реализация такой «крестьянской» программы, по мнению ученого, могла привести к масштабной «товарной интервенции», гибели национальной промышленности, самобытной городской российской цивилизации, массовой безработице в городах и социальной напряженности в обществе. Эти выводы заставили П.Н. Ми-

---

¹⁵ Последние новости. 1924. 19 янв.

¹⁶ Там же. 1925. 15 марта.

люкова серьезно переоценить роль и значение большевистского государства в России, отчасти оправдать фискальную политику власти.

Сохраняя либеральные взгляды, П.Н. Милюков сделал удивительный для непримиримого врага большевизма вывод о том, что советская власть не только разрушала, но и создала экономику новой России. По его мнению, только большевизм сумел покончить с революционной анархией и обеспечить защиту международных интересов России, дал определенную свободу крестьянству. В середине 1920-х гг. в работах Милюкова появляется мысль о том, что в рамках большевизма сложилось новое течение, готовое выражать и отстаивать национальные интересы России. Оставаясь либералом, П.Н. Милюков возлагал особые надежды на перспективу буржуазного возрождения страны. Главную проблему Советской России он видел в том, что сложившаяся при большевиках фискальная система препятствует процессу внутренних накоплений, особенно в аграрном секторе. Милюков был уверен, что со временем большевики смогут обеспечить правовые гарантии сельскому предпринимательству, ликвидируют препятствия на пути развития рыночных отношений.

Определенные надежды на экономический подъем в Советской России ученые русской эмиграции связывали с перспективой вывоза хлеба, который стал тем «боевым фронтом, на который устремились все и всё»¹⁷. По мнению ряда экономистов, массовый экспорт хлеба нужен большевикам для завоевания старых позиций на заграничном хлебном рынке. Этот вывоз необходим советской власти для получения средств на последующую модернизацию промышленности. В середине 1920-х гг. аналитики в эмиграции выражали надежды на скорый отказ от плановости в советской экономике. По их мнению, бескомпромиссная фискальная политика большевиков сделала возможным переход России на качественно новый уровень развития, вывела страну из международной изоляции.

Аграрная наука русской эмиграции рассматривала новую экономическую политику в Советской России как временную уступку крестьянству, как средство для сохранения власти большевиков. При этом ученые указывали на возможность углубления аграрного кризиса в советской экономике, вызванного низкими закупочными ценами на сельхозпродукцию. По мнению большинства русских эмигрантов, деревня осередничалась и легко могла перейти к натуральному хозяйству. Меры, вводимые большевиками, строились не для деревни, а за счет деревни и вопреки ее развитию. Кризис сбыта, ставший явлением хроническим и органическим, был следствием малой покупательной способности крестьян из-за высоких цен.

---

¹⁷ Последние новости. 1923. 10 авг.

С опорой на статистические данные русские экономисты-эмигранты показывали кризисное положение отдельных крестьянских дворов¹⁸. Исследователи аграрной политики большевиков акцентировали внимание на понижении крестьянского рыночного спроса, падении крестьянского производства, фактах голода в отдельных регионах Советской России¹⁹. Мнения экономистов различных школ совпадали в том, что советская власть ошибочно «продвигала» промышленность в ущерб сельскому хозяйству.

Несмотря на жесткую критику советской власти, отдельные мыслители русского зарубежья признавали достижения большевиков в возрождении национальной экономики после революции и затяжной войны. Например, П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, оценивая итоги нэпа, пришли к выводу, что такую политику проводило бы любое правительство, оказавшееся у власти в этот период. По их мнению, преодоление отсталости, вызванной пережитками дореволюционной России, было необходимо стране, и большевики были вынуждены решать те насущные проблемы, которые стояли перед Россией, собственными методами, которые, несмотря на размах свершений, оказались по своей сути антинародными²⁰.

Фискальная политика большевиков, по мнению эмигрантского научного сообщества, основывалась на «революционном принуждении», бескомпромиссном давлении власти на крестьянский мир. Глубокие размышления о тенденциях развития советского сельского хозяйства позволили экономистам сформулировать довольно точное видение перспективы аграрного пути России. «Я предвижу скорый поворот в экономической политике в России, — пишет Б.Д. Бруцкус С.Н. Прокоповичу в мае 1931 г. — Большевики очень перепуганы разрушением денежного хозяйства и хозрасчета. Но дела этого без коренной перестройки денежного хозяйства наладить нельзя»²¹. По сути, в письмах ученого отразилась суть экономической концепции эмиграции рубежа 1920-х — 1930-х гг.: индивидуальные крестьянские хозяйства бескомпромиссно противостоят коммунистической стратегии обобществления аграрного производства. В 1933 г. в статье «Голод и коллективизация» Бруцкус писал, что в процессе сплошной коллективизации для большевиков «дело шло совсем не об успехах русского сельского хозяйства, а об успешном укреплении их власти над крестьянством» [5, с. 207].

Экономисты русского зарубежья отмечали, что материальных условий для коллективизации в стране не было. Государство не могло предоставить кредиты, технику, удобрения. В результате, оно пошло

---

¹⁸ Рувль. 1925. 21 февр.

¹⁹ Там же. 1925. 7 июня.

²⁰ Дни. 1925. 17 марта.

²¹ Письма Б.Д. Бруцкуса. 1931 г. (ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 70. Л. 86).

на простое обобществление труда. Как отмечал П.Н. Милуков: «Сталин, как никто из русских государей понял общинную душу русского народа и создал колхозы»²².

Ученые-эмигранты акцентировали внимание на том, что коллективизация привела к неисчислимым бедствиям крестьянства. Мир русской деревни пережил одно из тяжелейших потрясений в истории России. В статьях русских экономистов указывается на массовые репрессии, голод, унесший миллионы человеческих жизней, репрессии против лидеров крестьянского движения [7, с. 38]. Не имея точных сведений, эмигранты писали о том, что «миллионы крестьян прошли через ужасы ссылки и лагерей». Коллективизация, по их мнению, нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству, особенно на первом ее этапе. Эмигрантская пресса подчеркивала, что главную роль в применении насильственных методов коллективизации играли карательные органы. Они участвовали в политике «ликвидации кулачества как класса», в борьбе с вредителями сельского хозяйства, с нарушителями трудовой дисциплины и т.д.

В трудах зарубежных экономистов практически не отразился тот факт, что с 1935 г. началось восстановление сельскохозяйственного производства, стали подниматься урожаи, возобновился рост поголовья скота, выше стала оплата труда колхозников. Ни один мыслитель не признал, что крупное коллективное хозяйство открывало возможности экономического и социального прогресса. Они писали лишь о том, что эти возможности могут реализовываться тогда, когда трудовой коллектив является хозяином. Коллективизация, по мнению русских ученых, способствовала отчуждению крестьянин от земли, от распределения произведенного продукта. Большая часть эмигрантских публикаций 1930-х гг. была посвящена формированию системы директивного планирования колхозного производства и командования крестьянством со стороны партийно-советского аппарата.

Предпринятый экономистами русской эмиграции анализ фискальной политики большевиков в деревне отличается глубиной и последовательностью. Они первыми убедительно показали, что советский вариант аграрного хозяйствования являет собой историческую аномалию общественного развития. В данной связи, делался закономерный вывод о неизбежном и предрешенном крахе советской экономической системы. Неотвратимость крушения советской экономики связывалась мыслителями русской эмиграции с подавлением свободы и конкурентоспособного рыночного механизма, принципиальной невозможностью найти компенсирующие рецепты и механизмы, которые сообщили бы должную эффективность созданной в СССР планово-централизованной системе.

---

²² Последние новости. 1925. 2 авг.

Экономисты русского зарубежья показали, что аграрная система СССР, состоявшая из огромных колхозов и совхозов, подавила все импульсы, побуждавшие крестьян свободно и продуктивно трудиться в собственных хозяйствах. Фискальная политика большевиков уничтожила в народе прежнюю кровную заинтересованность в результатах своего труда, атрофировала традиционную для русских «тягу к земле».

Главная ошибка большевиков, по мнению экономистов русского зарубежья, состояла в том, что они не гарантировали соответствующими правовыми механизмами свободу хозяйственной деятельности людей, стремившихся присвоить себе средства и результаты своего труда. Именно это ликвидировало в СССР внутренние источники и стимулы общественного, в том числе экономического прогресса. Большевики уничтожили самую адекватную форму аграрного хозяйствования – индивидуальное крестьянское (фермерское) хозяйство. Сформулированная экономистами русского зарубежья концепция преимущественной эффективности индивидуального крестьянского хозяйства блестяще предвосхитила доминирующую в настоящее время во всех развитых странах мира систему фермерских хозяйств. Именно фермеры, по мнению русских ученых, способны демонстрировать высокую устойчивость и возможность быстро реагировать на часто меняющиеся в области сельского хозяйства ситуации и условия.

Литература

1. *Билимович А.Д.* Кооперация России до, во время и после большевиков. М., 2005.
2. *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России. М., 2006.
3. *Бруцкус Б.Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922.
4. *Бруцкус Б.Д.* Об эволюции земельной политики советской власти // Экономический вестник. 1923. № 1.
5. *Бруцкус Б.Д.* Голод и коллективизация // Париж. 1933. Т. 52.
6. *Косинский В.А.* Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Мобилизация земельной собственности. Прага, 1925.
7. *Маслов С.С.* Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Издание «Крестьянской России». Париж, 1937.
8. *Овчинцева Л.А.* Русские экономисты-аграрники начала XX в. о хозяйственной мотивации крестьян // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1.
9. *Прокопович С.Н.* Банкротство НЭПа // Свободная Россия. 1924. № 2.
10. *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). М., 2004.
11. *Черниговский М.З.* Крестьянский вопрос в истории экономической мысли России и русского зарубежья: первая треть XX века. Дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 1998.